

**ПОГОНЯЙЛО
АЛЕКСАНДР
ГРИГОРЬЕВИЧ**



Доктор философских наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, Россия.

E-mail: apogoniailo@gmail.com

УДК 141

**РЕФЛЕКСИЯ И ЗАБОТА
Памяти Сергея Сергеевича Хоружего**

Аннотация. Смысл и цель заметки – дань уважения выдающемуся ученому, богослову, философу, а также напоминание о сугубой современности его мысли. Не будем забывать, что техники себя в его концепции – это не только практики размыкания горизонта вопрошания, но и противоположные им по действию практики замыкания.

Ключевые слова: забота о себе, рефлексия, созерцание, неэссенциалистская антропология.

Alexandr G. Pogonailo

Saint-Petersburg State University

E-mail: apogoniailo@gmail.com

**REFLECTION AND CARE
In Memory of Sergei Sergeevich Horujy**

Abstract. The meaning and purpose of the note is a tribute to the outstanding scientist, theologian, philosopher, and also a reminder of the utter modernity of his thought. Let us not forget that the techniques of the self in his concept are not only practices of opening the horizon of questioning, but also the opposite practices of closure.

Keywords: self-care, reflection, contemplation, non-essentialist anthropology.

DOI: DOI: 10.32691/2410-0935-2024-19-92-95

© А. Г. Погоняло 2024

Сегодня 22 сентября 2024 года. Прошло ровно четыре года со дня смерти Сергея Сергеевича. Личному знакомству с ним я обязан Мишелю Фуко, умершему вот уже 40 лет тому назад, а именно, переведенной мной его «Герменевтике субъекта», а также тому обстоятельству, что Анатолий Валерианович Ахутин не смог быть на запланированной конференции в Новосибирске, и вместо него по приглашению Сергея Сергеевича отправился туда я¹. Связка Хоружий – Фуко связала и меня с ним, а кроме того, некоторым образом ввела в круг общения философов, которому принадлежал также отошедший к тому времени в мир иной Владимир Вениаминович Биbihин. Нижеследующее – несколько замечаний о рефлексии и заботе в разном сочетании сих вокабул: рефлексии о заботе, заботе о рефлексии, рефлексии о *рефлексии* и *заботе* о заботе.

На упомянутой конференции Сергей Сергеевич очень выразительно говорил о рефлексивном «ся» (*soi*) у Фуко, о котором и надлежит заботиться, заботясь «о себе». Речь идет не о личном местоимении первого лица (*je*), а именно о возвратном «ся», «себя». Почему это важно? Это важно потому, что словарь традиционной метафизики под «собой» подразумевает как раз некое «я», *личность*, субстанцию разумной природы, по Боэцию. И похоже, что в анализируемом Фуко платоновском «Алкивиаде» собеседники высказываются примерно в том же духе: забота о себе это в первую очередь забота о душе, благодаря которой все мое – мое, в том числе и мое тело. На самом деле и у Платона это не совсем так или совсем не так.

Тем не менее, традиционно личность – это субстанция, латинский коррелят греческой *сущности* (*усия*). Сущность/субстанция – главное слово западной метафизики, родившейся как распространение вопроса о сущности какой-то вещи на все сущее в целом. Если быть – это быть чем-то, то все, что есть, есть что-то, что есть. Оно *есть нечто* (форма) и вместе с тем *оно есть*, существует. Соответственно «речь о сущности» (логос тес усиас) это *определение*. И речь эта предполагает возможность занять *созерцательную* позицию по отношению к опрашиваемой на предмет ее сущности вещи: что это такое там шевелится, ползает, воюет, мыслит... Созерцание, по-гречески, – *теория*.

Эссенциалистская (заданная вопросом о сущности) метафизика созерцательна по определению, и она эксплицирует сущее-в-целом в рамках логики определения.

Проект синергичной антропологии С. С. Хоружего с самого начала был заявлен как проект неэссенциалистского спрашивания о бытии, спрашивания, не ограниченного (заранее) логосом определения, и, применительно к человеку, к бытию-человеком, отталкивающемуся не от индивидуальной субстанции разумной природы (в этом смысле у человека нет сущности), не от «что» человека, а от того «как» он есть, ибо, как человек есть, то он и есть в конечном счете. Потому речь и заходит о практиках, разных практиках, но в первую очередь, практиках себя.

Труды Фуко примерно до 1980 года тоже о практиках. О практиках власти и дискурсивных практиках. Во власти постструктуралиста (постметафизического философа) интересует не «*что*» (источник власти, который оказыва-

¹ Речь идет об Антропологическом семинаре, посвященном связям и переключкам синергичной антропологии и проекта «практик себя» М. Фуко, состоявшемся в Новосибирске в декабре 2008 года. Его организовали и вели С. С. Хоружий и С. А. Смирнов (прим. ред.).

ется множественным; и что толку провозглашать источником власти народ, если, на деле, суверен – тот, кто вводит чрезвычайное положение), а как она осуществляется; точно также анализ дискурсивных практик показывает, что не говорящий распоряжается языком, на котором он, якобы, высказывает свои мысли, но язык как *дискурсивная формация* производит своих говорящих, исчезающих, как след на песке, в качестве авторов своих высказываний. В обоих случаях субъект мыслится как производное систем знания и власти.

Вести речь о практиках в этом ключе вовсе не означает переходить от теории к практике в том смысле, который приобрели эти термины в новоевропейском дискурсе. Нас скорее возвращают к аристотелевой классификации наук с той существенной разницей, что теперь праксис, а также поэзис, оказываются краеугольными камнями возможной будущей онтологии. Мы существа озабоченные, поставленные нашей эволюцией и историей перед рядом возможных выборов, т. е. перед неизбежностью решений и поступков, совершая которые, мы, вообще-то, не ведаем, что творим. Ведать мы начинаем тогда, когда нам удастся, оставаясь производными от систем знания и власти, описать эти самые системы, или, как выражаются, нарративы. Тогда в качестве ученых, незаинтересованных наблюдателей самих себя, мы ускользаем от их всевластия.

После 1980 года в творчестве Фуко происходит поворот, который больше всего заинтересовал С. С. Хоружего и был использован им в корыстных целях – отработки и совершенствования в ходе критики Фуко и полемики с ним собственной концепции синергичной антропологии. Это поворот к «техникам и практикам себя», т. е. к нормативно закрепленным и описуемым процедурам самоидентификации индивидов, позволяющим им не только устанавливать для себя правила поведения, преобразуя самих себя (техники себя), но также открывающим им доступ к истине (собственно, практики очищения, аскезы и т. д.).

Интерес понятен: в практиках себя индивид обретает субъектность, – ту, которая позволяет ему буквально вести самого себя, т. е. быть самим собой и отвечать за свои шаги-поступки, причем это бытие-собой обретается в основополагающем событии «опоминания», «прихода в себя», в такого «себя», которым он никогда не был. И это называется «обращением» ... рефлексией (!), или ... самоидентификацией (!) как условием дальнейшей его идентификации с той или иной группой. И только «опомнившийся», «пришедший в себя» получает доступ к истине. Какой? Не той, которую знала метафизика в качестве соответствия ума и вещи. Здесь – это истина-нескрытость, разомкнутость, по Хоружему. И противоположное ей – не ложь, но сокрытость (это уже по Хайдеггеру). Что же тогда рефлексия как способ позаботиться о себе?

Главное дело философии, *рефлексия*, сильно отличается от напряженного и сосредоточенного *думания* о чем-то, каковым мы бываем *поглочены*, когда решаем или пытаемся решить какие-либо проблемы и преследуем какие-то цели. Не поглощенность ли проблемами умножает их, делая наше положение безвыходным?

Современное понимание рефлексии слишком далеко от образующе-образовательного шага в никуда, но смысл старой античной *заботы о себе* именно на него и указывает. Забота о себе всегда имела целью опоминание, приход в себя. Опомнившийся – это тот, кто, вспомнив себя, отделился от собственных чувств, ощущений, стремлений, мыслей, ... и неожиданно обрел мир в душе

и почву под ногами, хотя, по видимости, никаких проблем не решил. Тем не менее, все самое главное *решилось*: противоестественный шаг от себя к себе *привел его в себя* и одновременно поместил в *целый мир* (мир – он всегда целый), он ввел его в пространство логоса. А значит, в пространство разума, т. е. счета, порядка, закона.